

Виктор Точинов

Охота на зайцев по первому снегу

Виктор Павлович Точинов

Охота на зайцев

по первому снегу

*Текст предоставлен правообладателем
Охота на зайцев по первому снегу: 2015*

Аннотация

«Езда на санях давно ушла в историю, да и место проведения охоты неоднократно менялось, – но охотились лишь впрягером, и никак иначе. Если кто-то не мог принять участие: заболев, например, или уехав по срочному делу, – выезд откладывался до его поправки или возвращения.

Если охотник выбывал насовсем – по причине серьезной болезни, или старости, или смерти – к нему, или же на его поминки, приходили все четверо и справляли ритуал прощания... После чего выбывший навсегда исчезал из их жизни...»

Содержание

1	4
2	7
3	8
4	10
5	12
6	15
7	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Виктор Точинов

Охота на зайцев

по первому снегу

(дорожная история

в 33 главах, с эпилогом)

1

Витебский-Главный – Сортировочная

– Баловство, – сказал Капитоныч, повертев нож и вернув Веймарну. – Я их руками добиваю. За шкирятник приподыму и вот так вот позвонки ломаю. Хрусь – и все.

И он показал – как. Сжал пальцы левой руки в кулак, изобразил нечто вроде головы с шеей, а ребром правой ладони по «шее» легонько рубанул.

Капитоныч был мужик на редкость крупный и дородный. Фигура и длинные отвислые усы делали его похожим на моржа. Ладони размерами напоминали моржовые лапы, а кулак был с дыньку-«колхозницу». Такая ладонь и мамонту по-

звонки без натуги переломит, считал Стасик. Он не любил Капитоныча.

Веймарн выглядел обиженным пренебрежением к своей обнове. И стал горячиться, доказывать, что нож хорош, и настоящей немецкой работы, и не здесь куплен... Он-то, Веймарн, вообще его не покупал, но даритель привез из Пассау, вот и клеймо – голова волка – имеется, и сертификат дома лежит, со всеми печатями.

Стасик не стал разочаровывать профессора и говорить, что присматривался к точно такому же охотничьему ножу в оружейном на Апрашке. И голову волка осмотрел, и с сертификатом ознакомился... Стасик понимал немецкий после школы с пятого на десятое, но все же уразумел: сделан нож хоть и под присмотром владельцев бренда, да не в Германии, а руками формозских китайцев... Знакомец профессора мог и не соврать, где купил нож: ничто не мешает продавать в Пассау клинки, сработанные за тридевять земель.

Сам Веймарн языком исторической родины не владел. За три века жизни в России Веймарны обрусели настолько, что из немецкого осталась у них лишь фамилия, да и та сто лет назад видоизменилась: с началом германской войны, когда Петербург обернулся Петроградом, предки Иван Ивановича поддались общему патриотическому порыву и отбросили приставку «фон». Петроград в конце концов стал снова Петербургом, но фон Веймарны так и остались Веймарнами...

– Все одно – баловство, – равнодушно ответил Капитоныч

на горячую речь профессора. – Заяц не кабан, нечего об него нож марать. А коль за руки свои хирургические опасешься, так прикладом сработай, и вся недолга.

Сортировочная – Проспект Героев

Проехали Сортировку, новых пассажиров в вагоне не прибавилось.

Электричка была не самая последняя, за ней с вокзала отходили еще две, но на Павловской развилке те уходили на другие ветки. Так что можно сказать, что последняя.

В вагоне пока находилась лишь их компания, но Стасик знал: в Купчино, где метро, возможно подсядут еще несколько человек. Но наверняка вскоре сойдут, – пассажиры, что едут далече, все собираются в передних вагонах: платформы на дальних маленьких станциях короткие, на четыре вагона, иногда на шесть. Их же компания устроилась в самом конце состава: тамбур за спиной был последним по ходу поезда.

3

Проспект Героев – Ручьи

На Героях снова никто не подсел, они и дальше ехали впятером.

Ездить на охоту именно в таком числе – традиция давняя, и если иные традиции в их компании иногда, в виде исключения, единожды нарушались, то эта – никогда.

Нерушимое правило соблюдалось уже не первое десятилетие. И даже не первый век, вот так-то...

Традицию привез издалека один из первых фон Веймарнов и внедрил на русскую почву в своем поместье под Ямбургом. Ничего сакрального цифра «пять» не содержала: именно столько людей вмещали охотничьи сани-розвальни фон Веймарна, – четверо седоков и кучер.

Езда на санях давно ушла в историю, да и место проведения охоты неоднократно менялось, – но охотились лишь впятером, и никак иначе. Если кто-то не мог принять участие: заболев, например, или уехав по срочному делу, – выезд откладывался до его поправки или возвращения.

Если охотник выбывал насовсем – по причине серьезной болезни, или старости, или смерти – к нему, или же на его поминки, приходили все четверо и справляли ритуал прощания... После чего выбывший навсегда исчезал из их жизни.

А компанию пополнял один из кандидатов, поджидавших своей очереди. Так здесь очутился Стасик, почти два года назад. Верность традициям, пронесенная сквозь войны и все катаклизмы, сотрясавшие страну, очень нравилась Стасику. И нравилась бы еще сильнее, если бы не Капитоныч...

4

Ручьи – Купчино

Капитоныч был неформальным главой компании охотников и главным хранителем традиций. Он не обладал абсолютной властью и не мог навязать решение, противное воле большинства. Но имел право вето: если говорил нет – значит нет, не обсуждается.

Когда Капитоныч покинет компанию (Стасик весьма надеялся, что радостное событие на долгие годы не отложится), хранителем традиций станет Иван Иванович Веймарн. По возрасту полагалось бы Валентину Арнольдовичу, но тот загодя отказался: дескать, здоровье уже не то, и он подумывает о завершении охотничьей карьеры... Так что он пас, и очередь переходит к следующему.

Да и то сказать, Веймарн лучше годится на роль главы коллектива: аристократ, голубая кровь, белая кость и все такое...

Только они двое, Веймарн и Капитоныч, были прямыми потомками самых первых охотников. Вернее, Стасик подозревал, что предок Капитоныча был кучером, вывозившим охотников-дворян на заячью стрельбу... Какая уж тут голубая кровь, смешно даже. Потомственное быдло.

Очень жаль, что Веймарн станет последним представите-

лем своего славной фамилии в их рядах. Сын у него есть, но... Но там какая-то мутная история, Стасику ее толком никто не рассказывал, слышал лишь обмолвки да намеки: не то сын с детства ненавидит охоту, не то что-то еще...

Обидно, до слез обидно, человек по фамилии Веймарн среди пятерых охотников – сам по себе живая традиция... Может, еще одумается непутевый отпрыск... Или вдруг профессор заведет себе позднего ребенка, ему в районе полтинника, но на вид еще ого-го, может и замутить с какой-нибудь молоденькой аспиранткой.

Купчино – Ольгино

Стасик угадал – в Купчино и впрямь вошли несколько пассажиров, человек шесть или семь, но расселись поодаль, разговору не мешая.

А вплотную к охотникам не подсесть: впятером занимали весь шестиместный отсек электрички, поклажи хватало. Еще одна традиция предписывала: едешь на охоту на день, бери припасов на неделю. Соблюдали, и брали не только продукты, но и палатки, и спальники, – один раз старое мудрое правило выручило, когда случилась сильнейшая вьюга, никакими прогнозами не предугаданная: разбили лагерь и больше суток пережидали непогоду.

После Купчино электричка поднырнула под КАД, и вскоре за окном замелькали поля, покрытые снегом и залитые лунным светом. Сердце Стасика забилося сильнее в предвкушении первой в сезоне зимней охоты.

Веймарн, напротив, завел речь об охоте минувшей, осенней:

– Я все же, господа, больше за зайцами по черной тропе ходить люблю... Казалось бы, и добыча осенью скудна, и шубки у зайцев по зиме куда лучше и в ценности с осенним заячьим нарядом не сравнимы, но все ж мне чернотроп

милее. Воздух как хрусталь, грибами пахнет, журавли в вышине курлыкают, и вообще сплошной Левитан вокруг... Зимой не то.

– Зимой не то, – вроде бы согласился Капитоныч, но лишь для того, чтобы тут же выдать порцию быдлярчей критики. – Зимой ты все сам делаешь, все своими ручками-ножками, по чесноку зайца берешь. А осенью? Его тебе собаки и унюхают, и загонят, и под выстрел выставят, – только спуск дернуть и остается. Сечешь, в чем разница? То-то. А Левитаном твоим я бы подтерся, да холстины у него жесткие. Не за Левитаном на охоту ездим.

Стасику тоже больше нравилась охота осенняя, хоть и по иной причине: туда они выезжали своим транспортом, и можно было подгадать так, чтобы оказаться в разных машинах с Капитонычем.

Увы, идеальное для зимней охоты место находится в такой бездорожной глухомани, что не только «мановар» Стасика не пройдет, но и насчет «гарпии» Веймарна большие сомнения имеются. Они, наверное, могли бы в складчину приобрести какой-нибудь специализированный колесный вездеход, но... Но опять же традиция, заложенная еще в те времена, когда охотники о вездеходах и мечтать не могли: зимой – поездом.

– А мне по барабану: черная тропа, белая... – неожиданно заявил Гоша. – Я просто стрелять люблю. Ну и печенку кабанячью люблю, над углями запеченную.

Гоша, сорокалетний слесарь с «Балтмета», был редкостно молчалив. И что бы он ни сказал сам, не спрошенный, получалось всегда неожиданно. А стрелять он не только любил, но и умел изрядно. По результатам шел вторым после Капитоныча, тот был вне конкуренции.

Иван Иваныч посмотрел на Гошу долгим взглядом, и при желании во взгляде легко читалась мысль: да разве же только в стрельбе и в горячей ароматной печенке вся прелесть и поэзия охоты? Да, два ее финальных аккорда хороши, спору нет, – но разве это повод, чтобы пропускать мимо ушей всю симфонию?

Веймарн даже открыл рот и произнес что-то, наверняка сочувствуя Гоше, осуждать он никого не любил, – но слова профессора перекрыл громкий мертвый голос из динамика, поведавший, что электричка прибывает к станции Ольгино, и выходить надлежит с левой стороны.

Повторять Иван Иваныч не стал, и Гоша остался без своей порции сочувствия. Да и не нуждался в ней, наверное.

6

Ольгино – 21-й километр

Следующую остановку – впрочем, недолгую – проехали в молчании. Словно Гоша дурацкой репликой поломал всю беседу. На деле было не так. Слишком мало у них находилось тем для разговора, чересчур разные люди, ничем, кроме охоты не связанные. А уж про охотничьи дела за многие совместные выезды говорено-переговорено, по третьему кругу повторяются... Лишь Стасику, с его недолгим опытом совместных охот, многое было в новинку. Но и он голос не подавал, опасаясь привлечь внимание Капитоныча. Человек-морж молча долго не просидит, живо начнет искать, до кого бы докопаться.

21-й километр – Мариенталь

Докопался Капитоныч до Валентина Арнольдовича. Заметил вдруг, что тот с самого вокзала не проронил ни слова, и лицо мрачнее тучи. Немедленно спросил: что случилось с любезным коллегой? И тут же, не давая ответить, предположил: а не изменяет ли Валуше жена?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.